

**СЛУЧАЙНОСТЬ И
НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ
В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ**

ACTA UNIVERSITATIS TALLINNENSIS

Humaniora

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Юри Кивимяэ (Университет Торонто)

Тийна Кирсс (Таллиннский университет)

Даниэле Монтичелли (Таллиннский университет)

Рейн Рауд (Таллиннский университет)

Эрки Руссов (Таллиннский университет)

Томас Салуметс (Университет Британской Колумбии)

Анне Тамм (Флорентийский университет)

Григорий Утгоф (Таллиннский университет)

Корнелиус Хассельблатт (Университет Гронингена)

Таллиннский университет
Эстонский гуманитарный институт
Эстонский фонд семиотического наследия

СЛУЧАЙНОСТЬ И НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Материалы Вторых Лотмановских дней
в Таллиннском университете
(4–6 июня 2010 г.)

Редактор-составитель
И. А. Пильщиков

Издательство ТЛУ
Таллинн 2013

ACTA Universitatis Tallinnensis

Acta Universitatis Tallinnensis. Humaniora

Случайность и непредсказуемость в истории культуры
Материалы Вторых Лотмановских дней
в Таллиннском университете
(4–6 июня 2010 г.)

Редакторы сборника
Т. Д. Кузовкина, И. А. Пильщиков,
Н. В. Поселягин, М. В. Трунин

Оформление: Сирье Ратсо

Издание подготовлено при поддержке Эстонского агентства
по науке (Eesti Teadusagentuur, проект PUT81) и Фонда научных
исследований Таллиннского университета (Tallinna Ülikooli
Uuringufond).

Авторское право: Авторы статей, 2013
Авторское право: И. А. Пильщиков, составление, 2013
Авторское право: Издательство Таллиннского университета, 2013

ISSN 2228-026X
ISBN 978-9985-58-759-1

TLÜ Kirjastus
Narva mnt 25
10120 Tallinn
www.tlupress.com

Отпечатано в типографии Pakett

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов 9

I

Сурен Золян (Ереван – Калининград)

О непредсказуемости прошлого:

Ю. М. Лотман об истории и историках..... 31

Петер Гржибек (Грац)

Саморегуляция в тексте

(на примере ритмических процессов в прозе)..... 78

Саня Вершич (Загреб)

Случайность и непредсказуемость в семиотическом

универсуме Юрия Лотмана и Умберто Эко..... 116

Александр Киченко (Черкассы)

«Взрыв» как «случай»: соотношение понятий

в лотмановской концепции культуры 145

Эвелина Пилярчик (Краков)

(Не)предсказуемое в оболочке имени:

Избранные вопросы философии языка

П. А. Флоренского 158

Андрей Добрицын (Лозанна)

Замечание о законах, исключениях

и случайных отклонениях:

Marginalia к теории поэтического языка 176

<i>Игорь Пильщиков (Таллинн – Москва)</i> «Ante hoc, ergo propter hoc»: Еще раз о критериях интертекстуальности, или «Случайные» и «неслучайные» сближения (на материале поэзии пушкинской эпохи)	188
<i>Алексей Семенов (Стокгольм)</i> Гамлет, Мария Магдалина и Меланхолия: О некоторых механизмах коллективной памяти	208
<i>Екатерина Вельмезова (Лозанна)</i> История лингвистики в истории литературы: случайное и закономерное.....	222
 II	
<i>Елена Погосян (Эдмонтон), Мария Смержевских-Смирнова (Таллинн)</i> «Вкусите и видите»: Аллегория чувств и концепция правителя в сочинениях Кариона Истомина	241
<i>Алексей Балакин (Санкт-Петербурге)</i> Поэма А. Ф. Воейкова «Искусства и науки» как несостоявшийся поэтический проект.....	272
<i>Александр Федута (Минск)</i> «Приближение Бога» (Импровизация как случайность и закономерность)	293
<i>Криста Эберт (Франкфурт-на-Одере)</i> Случай и случайность в исторической прозе и в историографии А. С. Пушкина.....	316

<i>Андрей Добрицын (Лозанна)</i>	
Случайное совпадение или генетическая связь? (А. Пушкин, М. Чулков, Ф. Сологуб)	334
<i>Анастасия Москалева (Новосибирск)</i>	
«Случайное» как дискурсивная закономерность в поэзии Бориса Пастернака («И чем случайней, тем вернее...»)	346
<i>Вадим Парсамов (Москва)</i>	
Исторический нарратив и случайность (Русская революция 1917 г. в осмыслении П. Н. Милюкова и Л. Д. Троцкого)	362
<i>Олеся Лагашина (Таллинн)</i>	
Взрыв коллективного умопомешательства: метафорика случайного у М. Алданова	380
<i>Татьяна Шор (Тарту)</i>	
Литературные курьезы и политика: О кампании присвоения русских фамилий в Печорском крае Эстонской республики (1920–1923)	393
<i>Ян Левченко (Москва)</i>	
Жанр как поле возможностей: случай вестерна в СССР	407
<i>Николай Поселягин (Москва)</i>	
Сакральное в фильмах Андрея Тарковского	432

III

<i>Татьяна Кузовкина (Таллинн)</i>	
«Я поехал в Тарту...»:	
К биографии Ю. М. Лотмана начала 1950-х годов.....	451
<i>Галина Пономарева (Таллинн)</i>	
Академик Пауль Аристэ и русская филология	
в Эстонии: на перекрестке культур	475
<i>Олег Малевич (Санкт-Петербург)</i>	
«О чем радостно и больно вспоминать»:	
к истории отношений Ю. М. Лотмана	
и З. Г. Минц с М. Дроздой	
(по материалам переписки).....	494
<i>Елена Струкова (Москва)</i>	
Неформалы и власть в годы перестройки:	
упущенный шанс или закономерный итог?	514
<i>Николай Поселягин, Елена Струкова (Москва)</i>	
Лотман в перестроечной прессе (1986–1992).....	533

ПРИЛОЖЕНИЕ

Abstracts	555
Kokkuvõtted	570

ОТ РЕДАКТОРОВ

Настоящий сборник продолжает серию публикаций материалов Лотмановских дней, которые с 2009 г. проводит Эстонский фонд семиотического наследия при Таллинском университете (*Eesti Semiootikavaramu Sihtasutus*)¹. В рамках Вторых Лотмановских дней, проходивших 4–6 июня 2010 г., состоялась международная конференция «Случайность и непредсказуемость в языке, культуре и литературе». Ее тема была инспирирована выходом книги Ю. М. Лотмана «Непредсказуемые механизмы культуры»², которая содержит размышления, особенно значимые для последних лет жизни ученого, – о глобальных законах истории, значении взрыва и непредсказуемости в развитии культуры, искусстве как мастерской непредсказуемости. По вариантам рукописей и другим архивным материалам публикаторы восстановили авторскую редакцию текста монографии, имевшей непростую эдиционную судьбу и потому практически не известной читателю до ее первого научного издания.

По традиции в рамках Дней проходили и другие мероприятия. Был проведен Польский вечер, организованный при поддержке Лотмановского стипендиата 2010 года, сотрудницы Ягеллонского университета (Краков) Эвелины Пилярчик и при участии Чрезвычайного и полномочного посла Республики Польша в Эстонии Томаша Хлоня, который посвя-

¹ Подробнее см.: 'От редакторов', *Пограничные феномены культуры: Перевод. Диалог. Семиосфера: Материалы Первых Лотмановских дней в Таллинском университете*, Редактор-составитель И. А. Пильщикова, Таллинн: Издательство ТЛУ, 2011, с. 7; Т. Д. Кузовкина, М. В. Трунин, 'Обзор материалов архива Ю. М. Лотмана в Эстонском фонде семиотического наследия', *Русская литература*, 2012, № 4, с. 79–80.

² Ю. М. Лотман, *Непредсказуемые механизмы культуры*, Подготовка текста и примечания Т. Д. Кузовкиной при участии О. И. Утгоф, Предисловие Вяч. Вс. Иванова, Послесловие Б. Ф. Егорова, Таллинн: TLU Press, 2010 (= *Bibliotheca Lotmaniana*).

тил свое выступление семиотике дипломатии. Профессор Гданьского университета Богуслав Жилко представил свою книгу «Семиотика культуры. Тартуско-московская школа»³. Центром Польского вечера стала встреча с известным поэтом, переводчиком и активным участником правозащитного движения 1960-х – 1980-х годов Натальей Евгеньевной Горбаневской, которая делилась воспоминаниями о многолетней дружбе с Ю. М. Лотманом⁴, читала свои стихи и переводы из Чеслава Милоша и других польских поэтов. В один из вечеров выпускница Тартуского университета Мая Халтурина и ее мать Татьяна Раутиан рассказали о семейном самиздате Халтуриных-Раутиан (www.rautian.ru). Несколько сюжетов из драматической истории семьи связаны с балтийским пространством: в них участвовали первый президент Эстонской республики Константин Пятс и финский политик и журналист Сантери Нуортева, ставший во второй половине 1920-х годов одним из лидеров советской Карелии.

Костяк сборника составили статьи, написанные на основе представленных на конференции докладов, которые были посвящены историко-литературным, лингвистическим и социальным аспектам культуры, рассмотренным через призму терминологических оппозиций «непредсказуемость vs предсказуемость» и «случайность vs закономерность»⁵. Такой подход задан теоретическими исканиями Ю. М. Лотмана (прежде всего, его поздними работами).

Хотя проблемой (не)предсказуемого Лотман интересовался на протяжении практически всего творческого пути, ключевой

³ Bogusław Żyłko, *Semiotyka kultury. Szkoła tartusko-moskiewska*, Gdańsk: Słowo/obraz terytoria, 2010.

⁴ Наталья Горбаневская, 'Непредсказуемые воспоминания', *Вышгород*, 2010, № 5, с. 12–14.

⁵ О конференции см. развернутую хроникальную заметку Н. В. Поселягина (*Новое литературное обозрение*, 2011, № 107, электронная версия, <http://www.nlobooks.ru/node/2842>).

для него она стала только в поздний период (1980-е – 1990-е годы), когда он приступил к разработке теории семиосферы. Концепция взрывных процессов как основополагающих для динамики культуры и использование метода тернарных семиотических моделей (в отличие от бинарных, более характерных для предшествующего, структуралистского, периода лотмановской мысли) привели к возникновению следующей триады: предсказуемость – непредсказуемость – случайность, в которой предсказуемость противопоставлена, с одной стороны, случайности, а с другой – непредсказуемости. Последние два члена триады только кажутся тавтологичными: в действительности семиотическое напряжение между ними создает основную интригу этой модели.

Непредсказуемость в понимании Лотмана, в отличие от абсолютно непрогнозируемой (и, следовательно, неопишуемой) случайности, – явление более устойчивое и в определенном смысле структурное. Фактически перед нами – контингентность, то есть возможность свободного выбора между несколькими равновероятными вариантами, причем какой именно из вариантов реализуется в акте выбора, а какие будут отброшены, заранее предсказать невозможно; это продуктивная произвольность, ограниченная рамками спектра начальных условий. Система (семиосфера), развивающаяся по контингентным законам, не будет жестко детерминирована в своей эволюции, у нее всегда остается некоторый семиотический резерв – запас тех смыслов, которые в данный момент неактуальны, но могут стать определяющими в результате очередного взрыва – резкой внутренней перестройки системы. В то же время этот семиотический резерв можно описать, и исследователь, зная потенциальные последствия актуализации каждого из смыслов резерва, способен, таким образом, увидеть возможные пути эволюции всей системы. Исследователь не знает только одного: какой из этих путей система действительно изберет, а какие так и останутся несбывшимися альтернативами. Отсюда

невозможность точных предсказаний (при общей возможности теоретического прогнозирования):

Как предсказуемое мы рассматриваем такой пучок вероятных событий, каждый из элементов которого может быть реализован в будущем. Момент взрыва разрывает цепочку причин и следствий и выхлестывает на поверхность целое пространство, в рамках которого возникает новый набор возможностей. Исходя из логики предыдущего развития предсказание того, какое из данных событий реализуется, принципиально невозможно⁶.

Упомянутая выше фигура исследователя, хотя и нечасто становится объектом отдельного лотмановского интереса⁷, но является необходимой частью семиосферы: это интерпретатор, занимающий условно «внешнее», «объективное» положение, благодаря которому вся система обретает свой собственный метаязык, познает самое себя. Исследователь, по Лотману, рассчитывает границы абсолютно случайного – арбитрного – и самим актом расчета не позволяет системе эти границы перейти⁸. Таким образом, категория непредсказуемости – контингентности – позволяет избежать не только полной детерминированности (которая превращает систему в мертвый автомат), но и хаоса (который полностью растворяет систему в бесконечном количестве ситуаций, то есть, по сути, тоже унич-

⁶ Ю. М. Лотман, *Непредсказуемые механизмы культуры*, с. 46.

⁷ Наиболее значимое исключение – следующая статья 1992 г., полностью посвященная фигуре ученого-интерпретатора: Ю. М. Лотман, 'Изъявление Господне или азартная игра? (Закономерное и случайное в историческом процессе)', *Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа*, Составитель А. Д. Кошелев, Москва: Гнозис, 1994, с. 353–363. Основные мысли этой работы с вариациями высказывались также в итоговой трилогии монографий: «Внутри мыслящих миров», «Непредсказуемые механизмы культуры» и «Культура и взрыв».

⁸ О категории границы и ее месте в теории позднего Лотмана см.: 'От редакторов', *Пограничные феномены культуры*, с. 8–10.

тожает ее). Границы контингентности оказываются границами свободы.

Если проиллюстрировать этот тезис сравнением с социальной сферой – тем более что Лотман сам в последние годы жизни любил сопоставления теории семиосферы с общественной жизнью и в своих заключительных работах намечал контуры семиотической социологии⁹, – то контингентная семиосфера представляет собой демократическое общество, при котором свобода каждого индивида заканчивается там, где начинается свобода каждого другого индивида. Рамки законов и норм толерантности обозначают пределы возможностей этого общества, но в то же время они достаточно широки и гибки, чтобы персональный выбор каждого человека был разносторонним и семиотически насыщенным. Семиосфера, работающая только по принципу полной предсказуемости, – это тоталитарное государство, жестко регламентирующее каждый поступок и каждую мысль всех членов общества. Путь дальнейшей эволюции этой системы можно уверенно спрогнозировать сколь угодно далеко, а семиотичность каждого шага на этом пути стремится к нулю. В реальной жизни семиосфера этого типа в чистом виде, вероятно, невозможна, но красноречивым примером остается мир оруэлловского романа «1984», в котором любые ростки контингентности планомерно выкорчевываются. Наконец, семиосферу третьего типа – царство случайности – практически невозможно представить, а ее моделью будет, пожалуй, пространство абсурда, в котором не действуют никакие физические законы: здесь, например, люди превращаются в вещи и явления природы, и наоборот, распадаются границы тела, три человека одновременно являются пятью людьми и т. п. Эта система неопишима просто потому, что любые описания (то есть попытки статичных фиксации неких состояний в данную

⁹ См. обсуждение этих идей в сборнике статей: *Explosion und Peripherie. Jurij Lotmans Semiotik der kulturellen Dynamik revisited*, Herausgegeben von Susi K. Frank, Cornelia Ruhe, Alexander Schmitz, Bielefeld: Transcript, 2012.

единицу времени) здесь бессмысленны, а динамика эволюции настолько мощна, что семиотичность каждого шага стремится к бесконечности.

Примечательно, что в своих рассуждениях Лотман практически не касается двух крайних состояний семиосферы – абсолютной предсказуемости и абсолютной случайности. И поступательная эволюция, и взрыв в его теории – разновидности контингентности, точнее, два вида семиотической динамики в общем пространстве семиосферы. Они сосуществуют, противопоставляются друг другу и перетекают друг в друга, сохраняя тем самым общий баланс системы в целом:

Момент взрыва есть момент непредсказуемости. Непредсказуемость не следует понимать как безграничные и ничем не определенные возможности перехода из одного состояния в другое. Каждый момент взрыва имеет свой набор равновероятных возможностей перехода в следующее состояние, за пределами которого располагаются заведомо невозможные изменения. Последние мы исключаем из рассуждений. Всякий раз, когда мы говорим о непредсказуемости, мы имеем в виду определенный набор равновероятных возможностей, из которых реализуется только одна. При этом каждая структурная позиция представляет собой набор вариантов. До определенной точки они выступают как неразличимые синонимы. Но движение от места взрыва все более и более разводит их в смысловом пространстве. Наконец, наступает момент, когда они становятся носителями смысловой разницы. В результате общий набор смысловых различий все время обогащается за счет новых и новых смысловых оттенков. Этот процесс, однако, регулируется противоположным стремлением – ограничить дифференциацию, превращая культурные антонимы в синонимы¹⁰.

¹⁰ Ю. М. Лотман, 'Культура и взрыв', Ю. М. Лотман, *Семиосфера: Культура и взрыв; Внутри мыслящих миров; Статьи. Исследования. Заметки*, Составитель М. Ю. Лотман, С.-Петербург: Искусство-СПБ, 2000, с. 108.

Благодаря этой общей сбалансированности семиосфера пребывает одновременно в двух состояниях: она и случайна, и предсказуема, но и то и другое – лишь отчасти. Такой семиотический дуализм напоминает (по крайней мере метафорически) постэйнштейновские физические теории, что неудивительно: Лотман не мыслил свою концепцию семиосферы как теорию, применимость которой ограничена гуманитарной областью, а стремился построить универсальную философскую модель мира¹¹. Насколько ему это удалось – отдельный вопрос, но кажется, что незаконченность этой универсальной модели объясняется не только биографическими фактами, но и принципиальными соображениями: это модель, которая никогда не должна быть полностью достроена.

В предлагаемом сборнике представлены статьи, посвященные проблемам случайности, непредсказуемости, вероятности и закономерности в истории культуры, которые трактуются в свете теоретических и культурологических работ Ю. М. Лотмана. Участники сборника обсуждают применимость этих категорий к описанию языков, культур и человеческих сообществ.

Первый раздел, посвященный общетеоретическим вопросам, открывается статьей *Сурена Золяна*, в которой рассматриваются

¹¹ Ср., в частности, сравнение собственного проекта с концепцией В. И. Вернадского, наиболее радикально высказанное Лотманом в письме Б. А. Успенскому от 19 марта 1982 г.: «И вот сейчас я обнаружил у Вернадского глубоко обоснованную громадным опытом исследований космической геологии мысль, что жизнь может возникнуть только из живого, т. е. если ей предшествует жизнь. Поэтому он считает жизнь и мертвую (косную, как он говорит) материю двумя исконными космическими началами, проявляющимися в разных формах, но взаимно вечно отдельными и вечно контактующими. А я убежден, что мысль тоже нельзя вывести эволюционно из не-мысли (другое дело, что, вероятно, не следует отказывать животным в мысли, и, возможно, жизнь без мысли вообще невозможна). Ведь как к жизни относятся все формы жизнедеятельности от работы бескислородных бактерий до наиболее сложных форм, так и у мысли (у семиозиса) есть простые и сложные формы» (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, *Переписка. 1964–1993*, Составление О. Кельберт, Под редакцией Б. А. Успенского, Москва: Новое литературное обозрение, 2008, с. 417).

логико-семантические характеристики исторического описания и делается попытка проанализировать, как в этой сфере проявляется действие «непредсказуемых механизмов культуры». Основой становится концепция Ю. М. Лотмана о проспективно-ретроспективном характере исторического описания, в результате которого непредсказуемые в момент его совершения события в самом описании выступают как детерминированные. Однако детерминированность есть свойство не самих событий, а высказываний о них. Напротив, зависимость исторического описания от событий, происходящих в настоящем и планируемых в будущем, приводит к постоянной и бесконечной изменчивости осмыслений истории и, тем самым, исторических описаний. Осознавая это, Ю. М. Лотман намечает дополнительный метод описания истории – «эстетический», основанный не только на воссоздании имевших место событий, но и на реконструкции возможных. «Вымысел», по Лотману, призван дополнить ограниченность методологического инструментария исторического описания и скорректировать его деформирующее воздействие. Недетерминированность будущего, а также многогранность и многоакторность настоящего приводят к тому, что описания (осмысления, интерпретации) прошлого также становятся непредсказуемыми.

В статье *Петера Гржибека* выдвигается тезис, что язык – не просто статическая структура, обеспечивающая, согласно Ф. де Соссюру, производство текстов, а постоянный динамический процесс саморегуляции. В связи с этим переосмысливается и понятие самого «текста», под которым понимается не только законченное произведение, результат творческого процесса (в соответствии со структуралистскими концепциями), но и сам этот процесс. В качестве иллюстрации приводится анализ ритмических структур текста (главным образом прозаического). При этом демонстрируется взаимосвязь между предсказуемостью и непредсказуемостью ритмических процессов как в поэтическом, так и, в первую очередь, в

прозаическом тексте (имеется в виду ритм художественной, но не искусственно ритмизованной прозы). Понятие «предсказуемости / непредсказуемости» автор трактует, опираясь на теорию вероятностей. В результате ритм прозы предстает как случайный (в статистическом смысле этого слова), но не хаотический процесс, то есть как процесс, результаты которого не обусловлены никаким жестким шаблоном, но который, однако, следует конкретному распределению вероятностей, благодаря чему может быть приблизительно рассчитана относительная вероятность появления каждого результата. Иными словами, вероятность результата (в данном случае – распределение ударных позиций) предсказуема с определенной (не)точностью, хотя конкретные реализации зачастую остаются непредсказуемыми. Подобная гибкость позволяет одновременно и тексту, и языку в целом сохранять свою динамичность и в то же время контролировать механизм саморегуляции.

Саня Вершич выясняет, что такое случайность с точки зрения создателя и участника семиотического универсума. Сопоставление взглядов опирается на два разных дискурса, научно-философский (монография Ю. М. Лотмана «Культура и взрыв») и романно-повествовательный (роман У. Эко «Маятник Фуко»). Хотя Лотман исходит из «сознания структуры», а Эко – из «сознания интерпретатора», оба семиотика оказываются перед одной и той же дилеммой («случайность или высшая закономерность?»), из которой следуют дополнительные вопросы, волнующие обоих ученых: поиск смысла, проблема историчности, семиотический взгляд на состояние сумасшествия, вопрос о границах интерпретации, проблема открытости / закрытости семиосферы, ответственность интерпретатора.

Александр Киченко ставит вопрос о внутренних связях между семиотическими идеями Ю. М. Лотмана конца 1980-х – начала 1990-х годов и философским контекстом постструктурализма. Автор прослеживает соотношение понятий «взрыв» и «случай» в поздних работах Лотмана. У Лотмана

одно фактически содержит и подразумевает другое: «взрыв» и «случай» равно обладают повышенной степенью культурной информативности. Корни этой идеи уходят в шестидесятые годы, когда в тартуско-московской школе в несколько иной терминологии уже была сформулирована мысль о «взрывных» и «плавных» культурных тенденциях.

Статья *Эвелины Пилярчик* посвящена вопросам языка в философии П. А. Флоренского и сопоставлению их с проблематикой книги Ю. М. Лотмана «Непредсказуемые механизмы культуры». Цель статьи – представить понятие имени как компонент системы ключевых терминов философии языка Флоренского и указать на составные элементы имени, которые образуют антиномическое напряжение, способствующее непредсказуемой динамике развития (по Флоренскому – выявления) смысла слова. В статье приведена предложенная философом иерархия имен и подчеркнуто, что Флоренский утверждал непереваемость «синтетических слов», начиная с культурно-маркированных названий и заканчивая личными именами, обладающими, по его мнению, существенными чертами мифа.

В заметке *Андрея Добрицына* о «законах, исключениях и случайных отклонениях» обсуждаются различные понимания терминов «закон» и «исключение», специфика их применения в естественных науках и в филологии, значение неповторяющихся явлений для филологии, проблема случайных отклонений и роль исключений в развитии теории.

Игорь Пильщиков в статье с ироническим названием «Ante hoc, ergo propter hoc» («Перед этим – значит вследствие этого») задается вопросом о критериях интертекстуальности. Под интертекстуальностью автор статьи понимает все виды прямых и опосредованных генетических отношений между текстом и другими текстами, а также между текстом и репертуаром лексико-грамматических формул и клише. Однако границу между типологически сходными и генетически связанными

культурными явлениями провести непросто: хронология как внеположный исследуемому объекту и не зависящий от него фактор представляет существенную методологическую проблему. Кроме того, возникает вопрос о соотношении языковых параллелей и межтекстовых связей: представляется, что говорить о последних можно только на фоне первых. Поэтический язык меняется, а формы и маркеры интертекстуальности исторически варьируются, поэтому изучение их изменчивости является одной из насущных задач истории поэтического языка и лингвистической поэтики, а демонстрация закономерности в эволюции генетических форм (в том числе форм интертекстуальных отношений) должна быть одним из основных направлений истории литературы. Выдвинутые тезисы проиллюстрированы примерами из истории изучения русской поэзии XIX в.

Статья *Алексея Семененко* опирается на тезис Лотмана о том, что культура – это коллективная ненаследственная память, которая совмещает в себе две противоположные функции: она не только является стабилизирующим механизмом, но и обеспечивает непредсказуемость собственного развития. На примере бытования шекспировского «Гамлета» как канонического текста разных культур автор хочет продемонстрировать, каким образом механизмы непредсказуемости способствуют «выживанию» текста в культурной памяти. История канонизации «Гамлета» показывает, что, помимо сложного, но в значительной степени случайного взаимодействия контекстов и дискурсов, сохранение текста облегчается в результате его редукции к нескольким разновидностям знаков.

В статье *Екатерины Вельмезовой* поставлена проблема изучения «текста лингвистики» в тексте литературы. Центральной оказывается неисследованная проблема случайностей и закономерностей, связанных с отражением в литературных произведениях истории лингвистических идей. Анализ лингвистических дискурсов, представленных в новелле П. Мериме

«Локис», пьесе Б. Шоу «Пигмалион» и романе В. Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове», позволяет выделить несколько типов трансформаций реальных лингвистических теорий в концепции, излагаемые персонажами, и тем самым указать на определенные закономерности отражения истории идей в художественном тексте.

Второй раздел сборника посвящен проблемам индетерминизма в истории русской культуры и их отражению в литературных, кинематографических и политических дискурсах и нарративах.

Статья *Елены Погосян и Марии Смержевских-Смирновой* посвящена двум сочинениям Кариона Истомина: «Орации» 1687 г., поднесенной царевне Софье, и «Книги любви знак в честен брак» 1689 г., составленной на брак царя Петра Алексеевича с Евдокией Федоровной Лопухиной. Размышляя о природе человеческих чувств, таинствах причастия и брака, Карион пытается обучить монарха особому мистическому зрению. Посвящения царевне Софье и молодому царю Петру составлены так, чтобы сквозь слои внешних образов, ребусов и эмблем правитель смог обрести способность видеть внутренний смысл вещей и явлений. При этом Карион искусно выстраивает повествование: его риторическая аргументация ведет читателя от нарушенного ожидания полноты и симметрии к парадоксальной реализации этого ожидания в идее полной и завершенной в себе самодержавной власти.

Алексей Балакин рассказывает о произведении, незаслуженно обойденном вниманием исследователей, – это поэма А. Ф. Воейкова «Искусства и Науки», которую сам литератор считал одной из главных в своем творчестве. Хотя в справочных изданиях и статьях о Воейкове эта поэма именуется неоконченной, она им была не только окончена, но и почти полностью напечатана: из 2600 строк не увидели свет менее ста (они впервые публикуются в настоящем сборнике). В статье предпринята попытка очертить творческую историю «Искусств и Наук»,

рассказать о причинах их появления и об издательской судьбе, а также ответить на вопрос: почему поэма, которую ждали и приветствовали при появлении в печати первых ее фрагментов, отрывки из которой включались в антологии и хрестоматии, была фактически забыта еще до того, как вышли в свет ее последние части. Ответ на него связывается в первую очередь с динамикой литературной ситуации 1820-х годов и с изменением литературной репутации Воейкова-поэта, к концу десятилетия превратившегося в глазах современников из друга и соратника Жуковского и Батюшкова во вздорного журнального педанта.

Александр Федута на материале портретов поэтов-импровизаторов в художественных текстах («Египетские ночи» А. С. Пушкина, «Импровизатор» В. Ф. Одоевского, «Коринна, или Италия» Жермены де Сталь), в воспоминаниях О. А. Пржецлавского, П. А. Вяземского и М. Малиновского о великом польском поэте и импровизаторе Адаме Мицкевиче, а также в автобиографии поэтессы Деотимы (Я. Луцевской) восстанавливает условия и обстоятельства «творческого взрыва», характерного для поэтических импровизаций. Особое внимание обращено на роль музыки, отмеченную во всех текстах, а также на то, как влияет на импровизатора строй языка, на котором осуществляется импровизация.

В статье *Кристы Эберт* рассматривается вопрос о том, как в творчестве Пушкина 1830-х годов соотносятся историография и художественная литература. Исторические личности интересуют Пушкина не только как представители своей эпохи: он пытается рассмотреть, как они своим поведением и поступками влияют на ход истории, которая понимается как открытый, непредсказуемый процесс. Пушкин использует потенциал литературы не только для того, чтобы иметь возможность интерпретировать исторические факты по-своему, но и для того, чтобы предложить возможные альтернативы поведения людей, особенно исторических деятелей, показав их не такими, какими они были, а какими они могли бы быть. В такой автор-

ской стратегии «корректировки» исторических фактов можно заметить просветительский импульс: Пушкин хочет сказать царям, «как могло бы быть», если бы они остались не только героями, но и людьми, причем делает это не прямо (как его предшественник Державин), а с помощью истории, которую использует в качестве аргумента.

В статье *Андрея Добрицына* «Случайное совпадение или генетическая связь?» обсуждается, как можно трактовать значимые совпадения сюжетов, если наличие генетических связей трудно или невозможно установить. Рассматриваются строки из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, берущие начало, вероятно, в сочинениях дю Серсо и де Линя; эпизоды «Пригожей поварихи» М. Д. Чулкова, заимствованные, возможно, из французских новостей, получивших отражение в «Мемуарах» Башомона. Основная часть статьи посвящена рассказу Ф. Сологуба «Баранчик», чей сюжет, восходящий к античности и встречающийся в фольклоре разных народов, разрабатывался авторами Средневековья, Ренессанса, барокко и романтизма.

Статья *Анастасии Москалевой* представляет собой последовательный анализ разных редакций стихотворения Пастернака «Февраль. Достать чернил и плакаты!» (1910–1956). В стихотворении, создававшемся в 1910 г. как экспромт, лишь два года спустя появляется, да и то лишь в одном из вариантов, характерный пастернаковский метазнак, констатирующий финальную фазу письма и совпадающий с озарением о природе поэзии: *И чем случайней, тем вернее // Слагаются стихи навзрыд*. Достигнув в 1912 г. метатекстового предела, который выражен в знаменитой фразе «И чем случайней, тем вернее...», Пастернак в 1929, 1945 и 1956 гг. начинает переписывать фрагменты текста, стоящие над этой формулой. История текста и композиции анализируемого стихотворения демонстрирует сложную природу «случайного» в творчестве Пастернака: «случайное» не только оказывается метафорой текстопорождения, но и тесно ассоциируется с темой финала. В «Феврале» это выражается в

совпадении «случайной» темы с материальным концом текста, которое реализует пастернаковское понимание финала как случайности.

В статье *Вадима Парсамова* на примере историй русской революции 1917 г., рассказанных П. Н. Милюковым и Л. Д. Троцким, рассматривается проблема случайности как категории исторического нарратива. Выделяются три типа случайности. Первый связан с тем, что сам нарратор считает случайным при отборе материала, то есть факты, которые, с его точки зрения, не являются значимыми и поэтому оказываются за пределами его нарратива. Второй тип – случайность как моделирующая категория, задающая нужную автору конфигурацию событий: например, если в мятеже Корнилова Милюков видит драматическое непонимание между главой армии Корниловым и главой государства Керенским, то для Троцкого эти отношения относятся к сфере закономерного и вполне предсказуемого. Основная же интрига революции у Троцкого строится на противостоянии Ленина и большевистского ЦК (характерно и то, что речь идет не о захвате власти как таковом, а о спорах среди самих большевиков по поводу восстания): всячески подчеркивается непредсказуемость «Апрельских тезисов» Ленина – для того, чтобы показать, насколько русские революционеры отстали от русской революции и насколько верно Ленин выражал законы исторического развития. Случайные с точки зрения большевиков, «Апрельские тезисы», по мнению Троцкого, оказались глубоко закономерным явлением. Описание третьего типа случайности, относящегося к истории создания самого нарратива, оставлено за пределами статьи.

Олеся Лагашина описывает метафорику случайного в беллетристике, эссеистике и историософском трактате Марка Алданова. Центральной в творчестве эмигрантского писателя оказывается метафора истории как сумасшедшего дома, которая отчасти была публицистическим штампом эпохи, а отчасти

заимствована у Л. Н. Толстого, оказавшего на Алданова огромное влияние. Тема безумия обнаруживается во многих алдановских произведениях, она служит дискредитации рационального и утверждению философии случая как единственно возможной. Стихийность и случайность русской революции постоянно подчеркиваются, при этом на фоне метафоры истории как сумасшедшего дома у Алданова возникает и другая метафора – истории как шахматной партии, в которой игроками предстают то Наполеон, то Ленин. Автор статьи связывает с этим интерес Алданова к роману В. Набокова о сумасшедшем шахматисте («Защита Лужина»).

В статье *Татьяны Шор* говорится о массовом использовании произвольно выбранных литературно-исторических фамилий русским крестьянским беспаспортным населением Печорского края Эстонской республики. В 2009 г. в Исторический архив Эстонии из архива МВД поступил фонд Комиссии по присвоению фамилий в Принаровском и Печорском крае, и появилась возможность осуществить анализ таких фамилий на основе достоверного массива протоколов и алфавитных картотек. Например, в результате паспортизации жителями деревни Усть-Жердянка стали Аксаков, Милюков, Суворов, Каренин, Некрасов и Пушкин (причем только трое последних – грамотные). Обилие громких имен воодушевляло нарвских фельетонистов на создание бытовых зарисовок, в которых главными действующими лицами были местные граждане Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Куприн, Керенский, Крыленко, Распутин и Ленин, а комизм заключался в столкновении известных фамилий с провинциальной бытовой действительностью.

В статье *Яна Левченко* рассмотрен феномен жанрового кино на примере вестерна. Его устойчивые парадигматические признаки (тип конфликта, система персонажей, атрибуты обстановки и действующих лиц) оказались легко переводимы из американской кодовой системы в (пародийную) европейскую и далее японскую, индийскую и русскую. При этом русский

вестерн (он же истерн) возникает и формируется в 1920-е годы, немногим позднее своего американского прототипа, продолжая функционировать и видоизменяться на всем протяжении советской кинематографической истории. Это позволяет говорить об истерне как о поле вероятных значений, важных в контексте изучения новейшей истории русской культуры.

В статье *Николая Поселягина* делается попытка проследить, как категория сакральности реализуется в художественной фильмографии Андрея Тарковского. С этой точки зрения, творчество режиссера представляет собой длительный акт феноменологической редукции: сакральное последовательно очищается от таких категорий сознания, как 'история', 'религия', 'память' и т. д., и культурных напластований, ассоциированных с ними. Итогом этого акта, однако, становится не ожидаемое достижение искомой категории в чистом виде, а наоборот, предельное погружение в Текст мировой культуры и растворение в нем собственного художественного мира.

Статьи третьего раздела посвящены изучению биографии Ю. М. Лотмана в центрально- и восточноевропейском социокультурном контексте 1950–1990-х годов. В них, в частности, обсуждаются факты взаимодействия ученого с эстонской академической и социальной средой, его контакты с чешским русистом Мирославом Дроздой и публикации Лотмана в прибалтийской перестроечной прессе.

Незапланированный и во многих отношениях случайный приезд в Эстонию – значимая веха в научной биографии Ю. М. Лотмана. В статье *Татьяны Кузовкиной* этот эпизод из лотмановских «Не-мемуаров» сопоставлен с эпистолярными свидетельствами, неопубликованными воспоминаниями и документами, хранящимися в архиве Лотмана и в Государственном историческом архиве Эстонии. «Не-мемуары» рассматриваются в контексте позднего лотмановского творчества, автобиографизм которого связан с размышлениями об ответственности ученого-гуманитария в переломные моменты исто-

рии. Лотман самокритично упрощает героя «Не-мемуаров», подчеркивая его непонимание политики позднего сталинского времени. Материал, представленный в статье, детализирует биографию ученого начала 1950-х годов, а также уточняет устоявшееся в научной литературе представление об эволюции мировоззрения Лотмана.

Галина Пономарева рассказывает о связях крупнейшего эстонского финно-угроведа Пауля Аристэ с проживающими в Эстонии славистами (лингвисты П. Арумаа, А. Д. Дуличенко и др.). Аристэ состоял в переписке с выдающимся представителем московско-тартуской школы Вяч. Вс. Ивановым (с 1956 по 1980 г.), но с тартускими литературоведами у него тесных контактов не было. Однако в 1970–1980-е годы Аристэ стал связующим звеном между Лотманом и известными западными учеными (семиотиком Т. Себеоком, лингвистом-полиглотом Х. Хаарманом).

В статье *Олега Малевича* на основании ранее не публиковавшейся переписки Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц с Мирославом Дроздой детально прослеживается история их научного сотрудничества и дружеского общения. «Солидарность настоящей интеллигенции» (выражение Дрозды) с особенной силой проявилась во время и после трагических пражских событий августа 1968 г.

Две заключительных статьи сборника посвящены эпохе перестройки. В статье *Елены Струковой* прослежена история неформальных общественных движений в СССР. Так называемые «неформалы» за короткий промежуток времени (1985–1991) прошли стремительную эволюцию от полного неприятия публичной деятельности до активного участия в общественно-политической жизни страны. На материале уникальной коллекции документов общественных движений из Фонда нетрадиционной печати Государственной публичной исторической библиотеки России рассматриваются наиболее важные факторы, оказавшие влияние на развитие